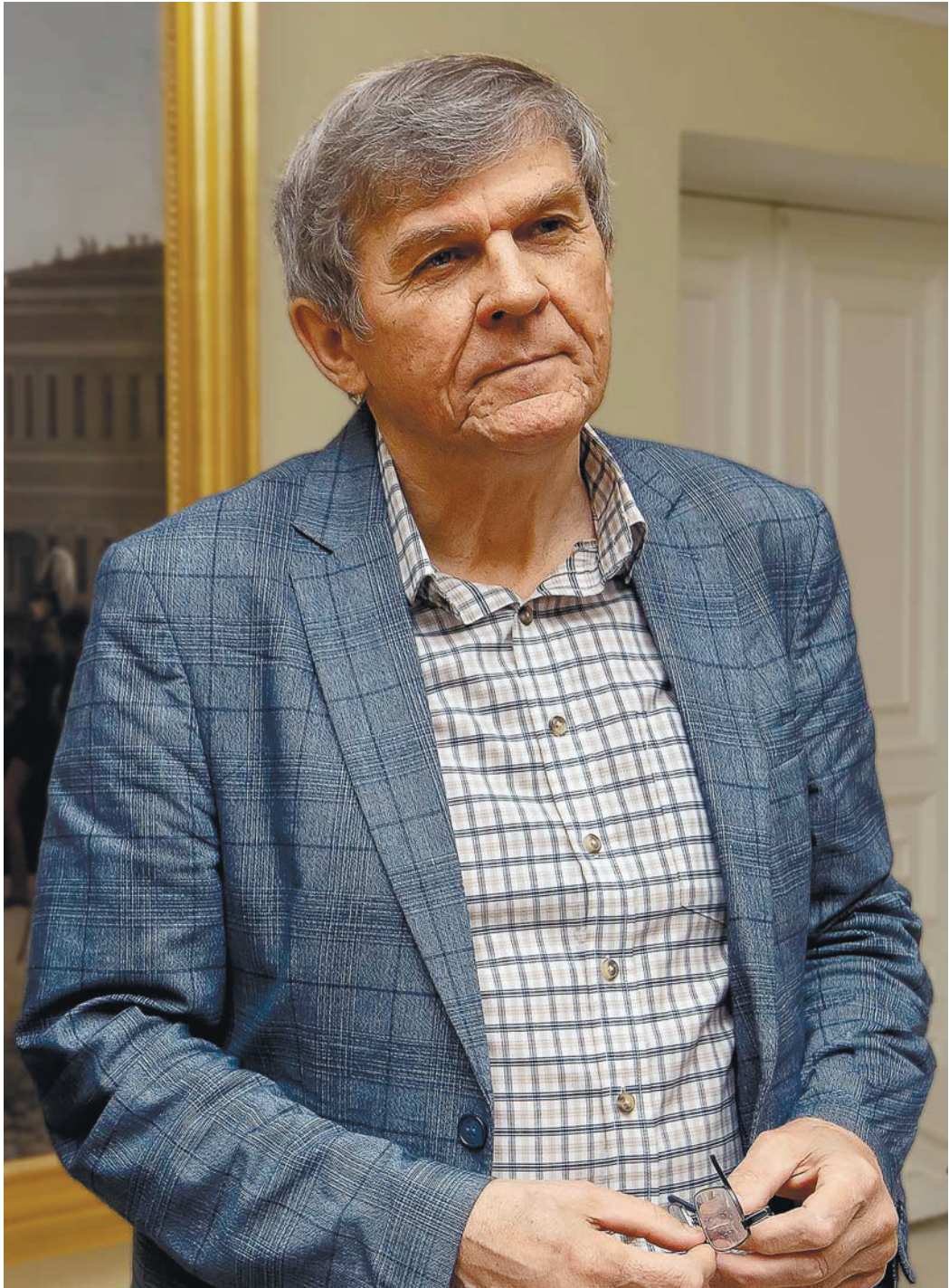

РУССКОЕ ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

IX-XVII веков

II

Maignan

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
СТОЛИЧНОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ БЮРО

**РУССКОЕ
ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
IX—XVII веков**

Том II

Нумизматический сборник к 70-летию
Петра Григорьевича Гайдукова

МОСКВА
2025

УДК 737
ББК 3.221(2)4 + 65.262.6-03
Р 89

Утверждено к печати Учеными советами
Новгородского музея-заповедника и
Института археологии РАН

Редколлегия:

И. В. Волков (отв. ред.)
А. А. Гиппиус, академик РАН
Н. В. Лопатин, к. и. н.
Н. А. Макаров, академик РАН
К. В. Орлов
Вл. В. Седов, чл.-корр. РАН
Г. А. Титов (отв. секретарь)

Рецензенты:

В. А. Калинин
А. В. Чернецов, д. и. н.

Р 89 Русское денежное обращение IX—XVII веков. Т. II. Нумизматический сборник к 70-летию Петра Григорьевича Гайдукова. — М.: ИА РАН, 2025. — Т. II. — 272 с.: ил.

ISBN 978-5-94375-470-8

Сборник включает статьи по русской нумизматике и сфрагистике средневекового периода и раннего Нового времени. Авторы из России и ближнего зарубежья публикуют материалы новейших исследований и посвящают сборник юбилею выдающегося отечественного ученого, Петра Григорьевича Гайдукова. Вводятся в научный оборот новые нумизматические и сигиллографические источники, важные для изучения отечественного денежного дела, экономической и политической истории.

Книга предназначена для специалистов-нумизматов, археологов, историков, искусствоведов, музейных работников, краеведов, а также для всех интересующихся отечественной историей.

УДК 737
ББК 63.221(2)4 + 65.262.6-03

ISBN 978-5-94375-470-8
DOI: 10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-470-8

© Авторы статей, 2025
© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии РАН, 2025

ЕЩЕ РАЗ О «ГРИВНАХ ЗОЛОТНИКОВ» И ДЕНЕЖНОМ СЧЕТЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА¹

Аннотация. Статья продолжает цикл работ о древнерусских денежно-весовых системах, начатый публикацией новгородской берестяной грамоты № 1072 конца XII в. Критический разбор альтернативной трактовки этого документа, предложенной А. А. Купранисом и А. А. Поповым (2019), позволяет автору остаться при ранее обоснованной интерпретации. В сжатом виде изложены основные положения концепции, устанавливающей рациональные отношения между основными видами платежных средств, использовавшихся на Руси в «безмонетный» период: серебром, белчиным мехом и кожаными «ассигнациями» — кунами. Понятие «гривна золотников» трактовано как выраженная в золотниках доля гривны серебра, соответствующая стоимости гривны кун.

Ключевые слова: берестяные грамоты, денежно-весовые системы древней Руси, гривна серебра, гривна кун, золотник, семница.

Abstract. The article continues the series of works on Old Russian money-weight systems, launched by the publication of the Novgorod birchbark document No. 1072 of the late 12th century. The critical analysis of the alternative interpretation of this document, proposed by A. A. Kupranis and A. A. Popov (2019), allows the author to stay with the previously substantiated interpretation. The basic provisions of the concept, which establishes rational relations between the main types of means of payment used in Rus' in the "coinless" period: silver, squirrel fur and leather "assignments" — kunas, are summarized. The concept of "grivna of zolotniks" is interpreted as a fraction of a grivna of silver expressed in zolotniks, corresponding to the value of a grivna of kunas.

Keywords: birchbark documents, money-weight systems of Rus', grivna of silver, grivna of kunas, zolotnik, semnitsa.

Берестяная грамота № 1072, найденная в 2015 г. на Космодемьянском 3-м раскопе в слое конца XII в., принадлежит к числу наиболее значимых в историческом отношении берестяных документов: можно без преувеличения сказать, что, не будь она найдена, наука не получила бы важнейшего ключа к финансовой системе средневекового Новгорода². Таким ключом являются извлекаемые из текста соотношения, связывающие между собой три главных вида платежных средств, использовавшихся на Руси в XII—XIV вв.: серебро, мех и кожаны «ассигнации» — куны. Смысл этих соотношений был раскрыт не сразу: трактовка грамоты, предложенная в первой публикации (Гиппиус А. А., Зализняк А. А., 2016. С. 12—15), была год спустя существенно скорректирована (Гиппиус А. А., 2017). Одновременно с выходом

второй статьи наша первоначальная интерпретация подверглась критике со стороны А. А. Купраниса и А. А. Попова (2019), которые сочли ее ошибочной. Поскольку объектом этой критики стали положения, сохраняющие для нас актуальность, мы не можем на нее не откликнуться. Попутно хотел бы сделать ряд уточнений к ранее сказанному и более наглядно представить свою позицию.

Приведу текст грамоты и перевод по первой публикации:

степанова полутори илие по
ло гривны тимоци поло гри
вны полутори олисею василю
сьмница ушку семница вхого
д: золотнко и дви серебра

Перевод: 'Степановы полторы [гривны]. Илье полгривны. Тимошке полгривны. Полторы Олисею. Василю семница. Ушку семница. Всего 4 [гривны] золотников и две [гривны] серебра.'

Комментируя грамоту, мы писали:

«Это реестр сумм, которые выданы (или должны быть выданы [или возвращены]) разным лицам. Документ предельно лаконичен; слово *гривна*, как самоочевидное, опущено везде, кроме уже

¹ Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2025 г. (проект «Язык, литература, культура в историческом и социальном измерении»). Автор признателен Л. А. Бассальго за ценные замечания.

² Обстоятельства, предшествовавшие началу работ на раскопе, делали более чем реальной угрозой их неосуществления. Раскопки состоялись благодаря твердой позиции руководства Института археологии РАН и лично П. Г. Гайдукова.

практически слившегося в единство *польг гривны*. Эллипсис имеет место и в сочетании *4 золотнико*, которое, без предположения об ошибке, может быть интерпретировано только указанным выше образом — значение ‘4 золотника’ было бы выражено сочетанием числительного с формой И. мн.: *4 золотник(ъ)*; ср. именно это сочетание в грамоте № 644. <...>

Грамота представляет собой исключительно ценный документ для изучения древнерусской финансовой системы. Итоговый подсчет названных в грамоте сумм: ‘Всего 4 [гривны] золотников и две [гривны] серебра’ — содержит те же цифры, которые получаются при суммировании по отдельности перечисленных гривен ($1,5+0,5+0,5+1,5 = 4$) и семниц ($1+1$). Предельно маловероятно, чтобы это совпадение было случайным. Это ведет нас к заключению, что гривны, которых в первой части грамоты насчитывается четыре, названы в этом подсчете гривнами золотников, а семницы — гривнами серебра» (Гиппиус А. А., Зализняк А. А., 2016. С. 12).

К содержанию этих соотношений мы еще вернемся, пока же посмотрим, что не устраивает в нашей интерпретации А. А. Купраниса и А. А. Попова, и в чем состоит предлагаемая ими альтернатива. Несогласие наших оппонентов вызывает трактовка последней фразы грамоты как содержащей двойной эллипсис. «Искусственно вставленная в последнюю строку “гривна” существенно меняет смысл изложенного. Это не эллипсис. Нужны какие-то серьезные аргументы для вставки „гривны“ в эту языковую конструкцию. Тем более что в явном виде выражение „гривна золотников“ в письменных источниках до сих пор не зафиксировано. Поэтому нам более предпочтительным представляется следующий вариант прочтения: „Степановы полторы (гривны), Илье пол гривны, Тимошке пол гривны, полторы (гривны) Олисею, Василию семница, Ушку семница. Всего: 4 золотнико и два серебра“» (Купранис А. А., Попов А. А., 2019. С. 391).

Судя по замене *вхого* на *всего* и ряду других, под «прочтением» А. А. Купраниса и А. А. Попова имеют в виду перевод грамоты на современный язык. Однако сочетание *4 золотнико* просто перенесено из оригинала (где, впрочем, отсутствует *и*). Эта небрежность, к сожалению, симптоматична, отражая безразличие к языковой специфике древнего текста. Сочетание *два серебра*, которым авторы переводят стоящее в оригинале *два серебра*, может означать в современном русском языке (точнее, в его спортивном жаргоне) лишь ‘две серебряные медали’. А. А. Купранис и А. А. Попов, по-видимому, считают такое употребление возможным и для слова *серебро* как исторического термина, обозначающего серебряный слиток, гривну серебра. Но в оригинале этот тер-

мин отсутствует. Как *двѣ*, с диалектной заменой *ѣ* на *и* (представленной также в *полупори* и *Тимоуци* <*Тимоушкѣ*>), записана словоформа *двѣ*, которую в данном контексте можно трактовать только как именительный падеж двойственного числа женского (!) рода. В древнерусском языке числительные *дѣва*, *три*, *четыре* согласовывались с существительными в роде, числе и падеже, и если бы ‘2’ в нашем тексте относилось непосредственно к слову среднего рода *серебро*, мы имели бы *двѣ серебрѣ* (в наддиалектном древнерусском) или *два серебра* (в древненовгородском диалекте) (см.: Зализняк А. А., 2004. С. 151). Сочетание *двѣ серебра* не было возможно ни в каком варианте древнерусского языка. Следовательно, перед нами эллипсис. Опущенное слово женского рода восстанавливается однозначно: это может быть только *гривна*. Слово *серебро* как исчисляемое существительное, фигурирующее в дальнейших расчетах А. А. Купраниса и А. А. Попова («1 серебро = 67 кун...»), является фикцией, порожденной неверным прочтением текста³.

Столь же жесткая грамматическая логика заставляет предполагать эллипсис и в первом случае. Словоформа <*золотникѣ*>, записанная как *золотнико* (с обычным для денежных терминов сокращением и «бытовой» графической заменой *ѣ* на *о*, ср. *ило*), может быть только родительным падежом множественного числа, с которым невозможно согласовать числительное, стоящее в именительном падеже. Наши оппоненты, по-видимому, не отдают себе отчет в том, что сочетание **четыре золотникѣ* было столь же невозможно в древнерусском языке, насколько для носителя современного русского языка невозможно сказать или написать **четыре учеников*. Следовательно, и здесь мы имеем дело с эллипсисом. Совпадение указанного числа с количеством названных в первой части гривен, при параллельном соответствии двух семниц двум гривнам серебра, ведет к заключению, что и здесь опущено слово *гривна*. Аргументом для его «вставки в языковую конструкцию» является сама языковая конструкция, которую А. А. Купранис и

³ Как исчисляемое понятие, обозначение определенной денежной единицы, серебро фигурирует и в работах В. Л. Янина, который ссылается на примеры использования слова в сочетаниях с числительными типа *двенадцать тысячи серебра*, *на дву тысящу серебра*, а также на сочетание *2 серебра* в берестяной грамоте № 138 начала XIV в. (Янин В. Л., 1970в. С. 161). Однако во всех этих случаях мы также, безусловно, имеем дело с эллипсисом. В отношении контекстов с тысячами это очевидно, поскольку форму *серебра* в них невозможно трактовать иначе как родительный падеж единственного числа. Что же касается грамоты № 138, то эллиптическая природа сочетания *2 серебра* (ср. в переводе А. А. Зализняка: ‘две [гривны] серебра’) как раз и доказывается грамотой № 1072, в которой числительное записано полностью, а не в виде цифры.

А. А. Попов толкуют превратно, игнорируя правила древнерусской грамматики.

В полученное ценой насилия над грамматикой уравнение («4 гривны + 2 семницы = 4 золотника + 2 серебра») А. А. Купранис и А. А. Попов подставляют выведенные *ad hoc* значения денежных единиц (гривна = 30 кун, семница = 7 кун, 3 куны = 2 золотника) и, через ряд промежуточных выкладок, приходят к парадоксальному результату: «1 серебро» (то есть гривна серебра) = 2 гривны + 4 куны. Это решение идет вразрез со всем, что было до сих пор написано о древнерусском денежном счете, причем сразу в двух отношениях. Во-первых, стоимость гривны серебра оказывается не кратна ни целой счетной гривне, ни ее половине, при том что все известные из письменных источников варианты этого соотношения такую кратность демонстрируют (о чем см. ниже). Во-вторых, полученная величина счетной гривны конца XII в. почти вдвое превосходит величину гривны Русской Правды, что противоречит многократно отмечавшейся тенденции к понижению стоимости счетной гривны.

Учитывая сказанное, промежуточных выкладок А. А. Купраниса и А. А. Попова можно было бы и не касаться, но одну из них мы все же рассмотрим. Это соотношение «гривна = 30 кун», выводимое из известного пассажа «Вопрошания Кирика», предписывающего служить сорокоуст (заупокойную требу) «на гривну пятью, а на 6 кунь единою, а на 12 коунь двоичю» (Павлов А. С., 1908. С. 23, 24), то есть «на гривну пять раз, на 6 кун один раз, а на 12 кун дважды [в неделю]». А. А. Купранис и А. А. Попов трактуют это место буквально, заключая, что гривна должна быть в пять раз больше шести кун, то есть равняться 30 кунам. Между тем, еще Н. М. Карамзин нашел изящный способ примирить свидетельство «Вопрошания» с выведенным им из Русской Правды соотношением «гривна = 25 кун»: «В заказанных вдруг (то есть одновременно — А. Г.), пяти сорокоустях священники могли уступать на каждое по куне» (Карамзин Н. М., 1842. Примечания ко 2-му тому. С. 35, прим. 79); иначе говоря, оптовому заказчику делалась скидка. До последнего времени препятствием к принятию этого объяснения было устоявшееся мнение, согласно которому в XII в. гривна Краткой Правды из 25 кун сменилась гривной Пространной Правды из 50 кун-резан⁴. Но это хрестоматийное представление опроверга-

⁴ См., например, замечание А. В. Назаренко: «Это рассуждение можно было бы, пожалуй, признать вполне удовлетворительным, если бы не одна существенная деталь, которая его совершенно компрометирует: гривна того времени (если понимать под ней гривну Русской Правды, как то делал Н. М. Карамзин и его последователи) состояла уже не из 25 кун, а из 50 кун-резан (Назаренко А. А., 2001а. С. 203).

ется материалом берестяных грамот, показывающим, что в Новгороде в XII—XIII вв. сохранялся денежный счет Краткой Правды, основанный на гривне из 25 кун. Об этом свидетельствует соотношение гривны и куны, извлекаемое из грамот № 663 (вторая половина XII в.) и № 293 (середина XIII в.) (НГБ IX. С. 54; Зализняк А. А., 1995. С. 390), а также использование куны и резаны в одних и тех же расчетах в целом ряде грамот XII—XIV вв. (Толочко А. П., 2009. С. 26—36)⁵. Отношение гривны к куне 1:25 подтверждается и еще одним фрагментом «Вопрошания», в котором речь идет о ставке ростовщического процента, взимаемого явно с занятой гривны: «Аще по 5 кунь даль еси, а 3 куны възми или 4» (Павлов А. С., 1908. С. 25). При 25-кунной гривне исходная ставка составляет стандартные для этого времени 20%; при гривне из 50 кун она была бы ничтожно мала. Таким образом, объяснение Карамзина остается в силе, а выведенное им соотношение гривны и ее фракций в Русской Правде сохраняет основополагающее значение для магистрального направления в изучении древнерусского денежного счета.

К этому направлению, как хочется думать, принадлежит и наша интерпретация грамоты № 1072. Напомним ее актуальную версию, коротко изложив основные положения статьи 2017 г. с некоторыми добавлениями. Начнем с «семниц», а затем более подробно остановимся на «гривнах золотников». Эквивалентную гривне серебра семницу этого документа мы понимаем как крупную единицу счета меховых ценностей — *семь сороков* ($7 \times 40 = 280$) беличьих шкурок⁶. Такая трактовка опирается на грамоту № 1021 (вторая половина XII в.), из которой выводится цена «стандартной» беличьей шкурки — 0,72 куны или, с минимальным округлением, $\frac{5}{7}$ куны. При указанном значении семницы и теоретическом весе гривны серебра 204,75 г серебряный эквивалент

⁵ Отражение гривны из 50 кун В. Л. Янин видел в грамоте № 775 (вторая половина XIII в.), где указание цен на рожь и пшеницу — *по полу гривни рожь, а пшеница по сороку бес куни* — дает соотношение, близкое к обычному 3:5, при гривне, равной 50 кунам. Однако таким же это соотношение будет и при гривне из 25 кун, если считать, что имеются в виду 40 резан (ср. по *сороку ризано* в № 810 [вторая половина XII в.], также в указании цены зерна).

⁶ Слово *семница* используется в берестяных грамотах и как обозначение семи беличьих шкурок (см. Гиппиус А. А., 2017. С. 31). Эта семантическая двойственность естественна: семь сороков могут быть иначе представлены как сорок семниц. Именно такие «малые» семницы упоминаются в берестяных грамотах № 218, 349, 355, 1124, 1147, 1196 (заметим, что половина этих грамот найдены в последние годы). Тому, что «большая семница» до сих пор встретилась лишь однажды, удивляться не следует: крупные денежные суммы упоминаются в берестяных грамотах намного реже, чем средние и малые.

одной шкурки оказывается 0,731 г серебра, составляя те же $\frac{5}{7}$ куны, равной $\frac{1}{200}$ гривны серебра (о последнем отношении см. ниже). Денежный («кунный») эквивалент семницы составляет в этом случае 8 гривен. Именно такая цена белчьего меха — очевидно, за семницу — названа в грамоте № 1045: *завольцескал бела — 8 гривенъ* (см. подробно: Гиппиус А. А. 2017. С. 30; 2020).

В свете выявленного соотношения находит объяснение и надпись на византийской серебряной чаше XII в., происходящей из с. Березово в Нижнем Приобье: *Въ полъ четвьрьта десате гръвьнь* ('в 35 гривен'). Вычисляемый на основе надписи вес гривны ($985 \text{ г} : 35 = 28,14 \text{ г}$) составляет седьмую часть от 197 г — величины, близкой к среднему весу серебряных слитков, отливавшихся по стандарту полуфунта (см.: Комар А. В., 2015). «Гривной Березовской чаши» оказывается, таким образом, стоимость сорочка белки, вычисленная на основании берестяных грамот (см.: Гиппиус А. А., 2019а)⁷.

Понятие «гривна золотников» определяется через понятия гривны серебра и счетной гривны, известной в основном как «гривна кун». Наше представление о соотношении этих весовых и стоимостных единиц опирается на отдельные положения, обоснованные Н. П. Бауером, В. Л. Яниным и А. В. Назаренко, комбинируя и переосмысляя их в свете уже названных свидетельств берестяных грамот. В сжатом виде оно сводится к следующему. Гривна серебра существовала на Руси в двух вариантах — северном, соответствовавшем половине фунта Карла Великого (204,75 г), и южном, равном половине византийской литры (163,6 г). Счетная гривна Краткой Правды, подразделявшаяся на 25 кун и 50 резан, была рассчитана в системе фунта, и ее весовой эквивалент изначально составлял $\frac{1}{4}$ северной гривны серебра. Эта система была актуальна в первую очередь для Новгорода, где она сохранялась на всем протяжении «безмонетного» периода. Наряду с ней существовала система, отразившаяся в Пространной Правде и подразделявшая гривну на 50 кун. Она была актуальна, в частности, для Смоленска (Назаренко А. В., 2001. С. 159). Помимо этих двух версий счетной гривны существовала третья (по всей вероятности, киевская), ориентированная на южный серебряный стандарт и подразделявшаяся на 40 кун. Начальный серебряный эквивалент этой «грив-

ны-сорочка» составлял $\frac{1}{4}$ византийской литры (соответственно, $\frac{1}{5}$ фунта, находившегося к литре в отношении 5:4).

С течением времени счетная гривна теряла свою стоимость относительно гривны серебра. Известные по письменным источникам соотношения гривны серебра и гривны кун показывают, что этот процесс носил характер поэтапной девальвации куны и основанной на ней счетной гривны. Лучше всего он засвидетельствован для Новгорода, где, помимо исходного отношения 4:1, при котором куна составляла $\frac{1}{100}$ гривны серебра, известны также отношения 8:1 (куна = $\frac{1}{200}$ гривны серебра) и 16:1 (куна = $\frac{1}{400}$ гривны серебра). Отношение 8:1, отраженное первой редакцией Новгородской Скры (60-е гг. XIII в.) (Бауер Н. П., 2014. С. 309, 310), действовало уже в XII в. и возникло до 1137 г. (упоминание «гривен новых кун» в Уставе Святослава Ольговича); отношение 16:1 возникло до 1361 г., которым датируется отразившая его четвертая редакция Скры (Там же. С. 310)⁸. Более точно датировать эти этапы девальвации куны и счетной гривны не представляется возможным. Наиболее вероятной кажется точка зрения Л. А. Бассальго, который считает, что соотношение 8:1 сохранялось в Новгороде на протяжении всего XIII в. и изменилось не ранее первой четверти XIV в. (Бассальго Л. А., 2020. С. 20, 21)⁹. Дополнительную сложность в этот вопрос вносит факт одновременного хождения «новых» и «ветхих» кун.

Эквивалентность гривны серебра четырем гривнам кун, зафиксированная в договоре Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г. и часто неоправданно воспринимаемая в качестве универсальной для кунной системы, имеет в виду 50-кунную гривну Пространной Правды, основанную на гривне, равной $\frac{1}{200}$ гривны серебра и стадially соответствующую 25-кунной новгородской гривне, с которой гривна серебра находилась

⁸ Выкладки Н. П. Бауера нужно воспринимать с поправкой на то, что он считал новгородскую гривну XIII–XIV вв. состоящей из 50 кун.

⁹ Это предположение Л. А. Бассальго высказывает, полемизируя с нашей оценкой, ограничивающей время существования новгородской гривны в $\frac{1}{8}$ гривны серебра XII — первой половиной XIII в. (Гиппиус А. А., 2017. С. 27). Считая так, я опираюсь на мнение Н. П. Бауера, выведившего данное соотношение из договора Новгорода с немцами 1259 г. Между тем, как справедливо отмечает Л. А. Бассальго, вывод Н. П. Бауера базируется на априорном допущении, «что плата немецких купцов за взвешивание товаров в Новгороде, указанная в договоре 1259 г., совпадает с такой же платой в Смоленске, указанной в торговом договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г.»; с другой стороны, он находится в противоречии со второй редакцией Скры (вторая половина XIII в.), которая, как и первая редакция, дает соотношение гривны серебра и гривны кун 8:1.

⁷ Вдвое более дорогие сорочки фигурируют в Уставе Святослава Ольговича 1137 г., что мы объясняем существованием двух стандартов стоимости белки — дешевого и дорогого. Согласно нашей гипотезе, эти два стандарта отразились в структуре счетной гривны в виде соотношения двух ее мелких фракций — веверицы и векши (см.: Гиппиус А. А., 2019б).

в отношении 8:1. На территории, где эта гривна использовалась, ей теоретически могла предшествовать гривна, составлявшая $\frac{1}{2}$ гривны серебра. Но более вероятно, что, как это традиционно и считается, гривна из 50 кун сменила на этой территории гривну из 25 кун в момент двукратного понижения стоимости кун — при том, что Новгород, проведя девальвацию кун, сохранил прежнюю структуру счетной гривны.

Известно также отношение 7,5:1 («за гривну сребра пол осме гривне»), отраженное статьей «А се бесчестие», читаемой среди дополнений к Русской Правде и обычно датируемой XIII в. Как показал А. В. Назаренко (2001. С. 199), оно характеризует южную по происхождению гривну из 40 кун, рассчитанную в системе литры. При таком понимании этой гривны лежащая в ее основе кун составляет $\frac{1}{300}$ от северной гривны серебра, что вписывается в восстанавливаемую для Новгорода последовательность отношений $\frac{1}{100}$, $\frac{1}{200}$, $\frac{1}{400}$. Место, которое занимает в этом ряду гривна статьи «А се бесчестие», отвечает традиционной датировке статьи XIII в. 25-кунный эквивалент этой гривны, который должен был составлять $\frac{1}{12}$ гривны серебра, по новгородским источникам прямо не прослеживается, но теоретически мог существовать¹⁰.

Выявленный шаг девальвации — 100 кун на гривну, благодаря которому на каждом этапе девальвации отношение гривны серебра к 25-кун-

¹⁰ Этот этап может отражать берестяная грамота № 45 (первая половина XIV в.). Финансовый расчет, который содержит этот документ, называет сумму трехлетнего процента с займа в два с половиной рубля — тринадцать с половиной гривен, что дает в качестве годового процента четыре с половиной гривны. Л. А. Бассальго (2020. С. 222), исходя из стандартной для Новгорода ставки займа в 20 %, предположил, что рубль в это время равнялся 9 гривнам. Однако при обсуждении настоящей работы он же заметил, что при ставке 15 % рубль оказывается равным 12 гривнам. Необходимо отметить в этой связи, что ставка процента, вычисленная А. А. Зализняком для грамоты № 293, составляет 14 %.

В излагаемую схему не вписывается известная запись кенигсбергского гроссшэффера (1402—1404 гг.), согласно которой в Великом Новгороде 1 «штуку серебра» (рубль) составляют 13 марок шин (гривен) (Item so machen szu Grosen Nawgarten 13 markschin 1 stücke silbers) (Леймус И., 2015. С. 186). Между тем соотношение 13:1 не только выбивается из ряда, заданного остальными источниками, но и вступает в противоречие с общей тенденцией уменьшения размера счетной гривны. Поэтому в данном случае разумно предположить тривиальную ошибку — смешение римских цифр VI и III (в средневерхнегерманских документах такие ошибки известны, см., например: Schlüter W., 1907. S. 532). Кенигсбергская запись, сделанная спустя десять лет после появления пятой редакции Скры, отразившей отношение 16:1, скорее всего, имела своим источником текст, фиксировавший то же соотношение. Его, полагаю, следует рассматривать в качестве финального в истории новгородской кунной системы.

ной гривне оказывается кратным четырем (4:1, 8:1, 12:1, 16:1), обуславливает такое важное свойство новгородской счетной гривны, как кратность ее серебряного эквивалента золотнику — $\frac{1}{6}$ фунта, в системе которого эта гривна была рассчитана. Для исходной гривны, основанной на куне в $\frac{1}{100}$ гривны серебра, этот эквивалент составляет 12 золотников, а для трех стадий ее девальвации — соответственно 6, 4 и 3 золотника. Именно это свойство новгородской гривны кун, делавшее ее серебряное содержание удобно исчисляемым, обеспечивая пересчет из ассигнаций-«драниц» в серебро и обратно, отразило, на наш взгляд, сочетание «гривна золотников» в грамоте № 1072¹¹.

Не вполне точной нужно признать приведенную выше формулировку (перешедшую и в статью 2017 г.), согласно которой в заключительной фразе грамоты счетные гривны *названы* гривнами золотников, а семницы — гривнами серебра. В действительности гривны (кун), как и семницы, фигурируют только в первой части грамоты; во второй же, подводившей итог, выступают уже не эти единицы, а их серебряные эквиваленты. Гривна золотников — это выраженная в золотниках доля гривны серебра, соответствующая стоимости гривны кун. В момент написания грамоты стоимость гривны кун составляла $\frac{1}{8}$ гривны серебра и равнялась 6 золотникам. Вместо *4 золотникъ* (с эллипсисом слова *гривны*) автор грамоты мог написать *24 золотникъ*, выразив то же количество серебра непосредственно в золотниках¹². Но он предпочел объединить золотники в гривны, равные по стоимости гривнам кун, сохранив таким образом параллелизм между перечислением сумм в первой части грамоты и подведенным итогом.

В заключение хотелось бы коснуться еще одного вопроса, также затронутого в работе 2017 г. Как показал И. Леймус, развивая наблюдения

¹¹ Уже после находки этого документа было найдено еще одно выразительное свидетельство того, что золотник как единица стоимости находился в фиксированном соотношении со счетной гривной. В грамоте № 1113 (также конца XII в.) мачеха требует от падчерицы: «А оно ти еси выгала оу Иванка гривноу, а на то любо си золотникъ присли Полѣпѣ» «А что ты обманом выпросила у Иванка гривну — так пришли с того хоть золотник Полепе!»

¹² Ср. встречающиеся в связанных с Новгородом ганзейских документах указания денежных сумм в «штуках» (слитках) серебра и золотниках. Так, в документе 1331 г. упоминаются штрафы в «пять штук без 15 золотников» и «три штуки без $7\frac{1}{2}$ золотников», а в отчете И. Пальмедага 1423 г. фигурируют «2 штуки и 15 золотников» (Леймус И., 2016. С. 183, 185). Ввиду этих параллелей следует отказаться от предложенной В. А. Яниным конъектуры к берестяной грамоте № 707 (последняя треть XIII в.), основной текст которой имеет вид: «Водаи поло гривне сребра, по(ло) цетверта з(оло)тника пе...» В. А. Янин (НГБ IX. С. 99) реконструирует *пе(рцю)*, но намного более вероятно, что имеется в виду серебряный вес: половина слитка и еще $2\frac{1}{2}$ золотника.

Н. П. Бауера, в середине XIV в. золотник составлял в Новгороде не $\frac{1}{48}$ рубля (в который к этому времени «превратилась» гривна серебра), а $\frac{1}{60}$ (Леймус И., 2015. С. 182, 183). По поводу этого «малого» золотника мы писали: «Вполне возможно, что золотник в $\frac{1}{60}$ рубля был инновацией, возникшей в XIV в. Но, даже допустив древность этой единицы, мы не придем в противоречие с изложенным пониманием „гривны золотников“. Представляется, что и в таком его „неканоническом“ виде золотник вполне мог выступать в качестве меры серебряного эквивалента гривны кун. Правда, целое число „малых“ золотников (15) заключала в себе только гривна Русской Правды — на двух следующих этапах, при равенстве гривны кун $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{16}$ гривны серебра, она насчитывала соответственно $7\frac{1}{2}$ и $3\frac{3}{4}$ золотника. Однако и кратность веса гривны четверти золотника делала его удобным средством пересчета стоимости меховых „ассигнаций“ в серебро» (Гиппиус А. А., 2017. С. 29).

Отдельный интерес представляет вопрос о генезисе «малого» золотника. И. Леймус пишет по этому поводу: «Откуда могло исходить такое деление [рубля — А. Г.] — непонятно: ни в новгородской, ни в ливонской, ни в любекской денежно-весовой системе мы подходящую единицу не находим» (Леймус И., 2015. С. 29). Ввиду этого стоит обратить внимание на следующий примечательный факт: величина, равная $\frac{1}{60}$ северной гривны серебра (полуфунта), составляет $\frac{1}{60}$ от византийской литры, половину которой представляла собой южная гривна серебра. Золотник как фракция фунта не находился в каком-либо рациональном соотношении с лит-

рой и в качестве фракции южной гривны серебра выступить не мог. Между тем, потребность в мелкой весовой единице, которая могла бы связать два серебряных эталона, — подобно тому, как их, в ценностном отношении, связала куна, исходно составлявшая $\frac{1}{100}$ от северной и $\frac{1}{80}$ от южной гривны серебра, — должна была существовать. Не является ли «малый» золотник по происхождению фракцией южной гривны серебра, выделенной в ней по аналогии с северной гривной — полуфунтом, а впоследствии получившей распространение и на севере ввиду удобства этой единицы для пересчета из одной системы в другую?

Параллель к сосуществованию двух вариантов золотника, исходно принадлежавших системе фунта и системе литры, может составить членение новгородской счетной гривны одновременно на 25 кун и 28 мордок (о последнем см.: Гиппиус А. А., 2023. С. 43). В то время как за первым соотношением просматривается в качестве структурного прототипа южный стандарт обмена меха на серебро — «40 куниц за литру серебра» (Назаренко А. В., 2001. С. 193), второе членение опирается, как можно думать, на аналогичный северный стандарт — «28 куниц за полуфунт», связанный с выводимой из берестяных грамот эквивалентностью гривны серебра семи сорокам белки. Последнее соотношение, о котором еще десять лет назад невозможно было подозревать, лишней раз демонстрирует таким образом свою фундаментальную значимость для восстановления картины рациональных связей между составляющими древнерусской денежно-весовой и «денежно-меховой» систем.

Приложение

Региональные и хронологические варианты счетной гривны

Отношение куны к северной гривне серебра (½ фунта, 204,75 г)	Число кун в гривне серебряный эквивалент гривны в граммах и золотниках (¼ фунта, 4,26 г)		Серебряный эквивалент куны в граммах	Число кун в гривне серебряный эквивалент гривны в граммах и золотниках (¼ литры, 3,4 г)	Отношение куны к южной гривне серебра (½ литры, 163,6 г)
	25	50			
1:100	51,1 (12)	*102,3 (24)	2,05	81,8 (24)	1:80
1:200	25,6 (6)	51,1 (12)	1,02	40,9 (12)	1:160
1:300	17 (4)	34,9 (8)	0,68	27,3 (8)	1:240
1:400	12,8 (3)	25,5 (6)	0,51	20,4 (6)	1:320

Заливкой отмечены варианты, засвидетельствованные письменными источниками. Звездочкой отмечен теоретически возможный исходный вид 50-кунной гривны, скорее всего, реально не существовавший.

100/25: гривна Краткой Правды, «гривна ветхих кун» договора Новгорода с немцами 1191/1192 г.;

100/40: «гривна драниц» надписи о покупке Бояновой земли в Софии Киевской (вероятно, до 1111 г.), первоначальная «гривна-сорочок», по А. В. Назаренко;

200/25: «гривна новых кун» Устава Святослава Ольговича 1137 г., гривна берестяных грамот № 1021, 1045, 1072, гривна I редакции Новгородской Скры (60-е гг. XIII в.);

200/50: гривна Пространной Правды, гривна кун договора Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г.

300/25: возможно, гривна берестяной грамоты № 45 (перв. пол. XIV в.)

300/40: гривна статьи «О бесчестье» (XIII в.)

400/25: гривна IV редакции Новгородской Скры (1361 г.).